

Звездный свет дробился в воде, то затухая, то разгораясь, и в его отражении бамбук у берега казался свежим, влажным, словно омытым весенним дождем.

Лю Тинчжу стоял в воде по пояс. Его одеяние, подобное бледно-голубому легкому облаку, туманными клочьями расплывалось вокруг, и сквозь него едва угадывались очертания ступней, словно выточенных из нефрита.

Он смотрел, как к нему приближается Сяо Шулань, но выражение его лица внезапно стало совершенно пустым.

Заметив это, Сяо Шулань остановился, не решаясь подойти ближе.

Лю Тинчжу вдруг тихо рассмеялся.

Горный ручей звенел, словно небесная музыка, но голос его был еще чище и мелодичнее. В этом звуке слышалась та безмятежная, отрешенная от мира чистота, какая бывает лишь у того, кто в глубоких горах при луне играет на цине, когда вокруг не души.

Он поманил Сяо Шуланя рукой, приглашая подойти.

Лунный свет запутался в его пальцах; стоило им дрогнуть, как сияние поплыло по воде, точно рябь.

Его зеленое одеяние, до этого небрежно наброшенное на плечи, соскользнуло в воду. Он не обратил на это внимания, позволив ткани свободно дрейфовать по течению.

Лунный блеск и нефритовое сияние струились по его коже, дюйм за дюймом... разливаясь, подобно тонкому аромату, что наполнял собой каждый уголок пространства.

Сяо Шулань смутно припомнил прикосновение к его коже: ледяная, упругая, гладкая, подобно самому дорогому нефриту.

Синий ланьяньский нефрит на солнце рождает дымку.

Казалось, его всегда окутывает легкий дымок. Раньше Сяо Шулань думал, что это лишь отблеск его зеленых одежд, но теперь, когда на нем не было ничего, он по-прежнему выглядел словно укутанным в тончайший туман.

Сяо Шулань подошел ближе, собираясь что-то сказать, но в голове внезапно грохнуло, и кровь прилила к лицу.

Лю Тинчжу уже прижался к его груди.

Кожа Лю Тинчжу, и без того прохладная, после купания стала холодной до самого сердца. Сяо Шулань, коснувшись его, невольно вздрогнул.

Но в следующий миг он забыл даже об этом холоде.

Губы Лю Тинчжу легко скользнули по уху Сяо Шуланя, очертили лоб, глаза, щеку и замерли у самой шеи.

Он протянул руки, поглаживая широкие плечи и крепкую грудь Сяо Шуланя.

— Тинчжу...

Голос Лю Тинчжу, казалось, вообрал в себя всю мягкость лунного света:

— Почему ты не смотришь на меня?

Сяо Шулань опустил взгляд на его лицо.

Лю Тинчжу обвил его шею руками — мягкий, холодный соблазн. В его глазах сияла кристальная чистота. Вы когда-нибудь видели такую чистую невинность, ставшую искушением? Да, вот она.

Это было куда сильнее любой напускной женственности, это проникало в самую душу, пробуждая чувства.

Их губы медленно соприкоснулись. Сначала это было лишь робкое касание, но вскоре они прильнули друг к другу, не в силах оторваться, впиваясь в поцелуй до самой смерти.

Холодные, но сладкие губы, словно распустившийся цветок. Пчела, испившая нектар из его чаши, будет рада погибнуть от этого хмеля.

Знакомый аромат распространился среди чистых вод, уплывая в глубину горной долины.

Зеленая трава, белые камни, прозрачная вода. Зеленый бамбук, впитавший лунный свет, скрытый в тумане, окрасился в глубокий, дымчатый лиловый, а тот, в свою очередь, перетек в насыщенный красный, и уже невозможно было разобрать, как эти оттенки сливаются в единое целое, подобно воде.

Неизвестно когда начался мелкий дождь. Его струи, как дым, окутали все вокруг.

Капли падали на белые камни в озере, отшлифованные до блеска зеркала, и рассыпались, словно осколки хрусталя. Ударяясь о бирюзовые, чисто вымытые бамбуковые листья, вода собиралась в них, пока ветви не тяжелели настолько, что влага, не в силах удержаться, мягко и нежно стекала вниз по самому кончику.

Она на мгновение замирала на острие бамбукового листа, словно слеза.

— Странно. Разве ты не хотел уничтожить мое культивирование? Почему же сейчас строишь из себя благородного мужа?

Сяо Шулань увидел, как он отвернулся, вытянул из воды свое зеленое одеяние и, промокшее, набросил на плечи. Внезапно он притянул его к себе, пальцами медленно провел по лицу, покрытому каплями воды, и задержал их на его гладкой, как нефрит, шее.

— Если это сделает тебя несчастным, если это принесет отчаяние и лишит радости навсегда — я этого не сделаю.

Лю Тинчжу запрокинул голову, и с его лица посыпались капли воды, в лунном свете сияя, словно драгоценности. Он был прекрасен невыразимой красотой.

— Ты уже сделал меня несчастным.

Грубая, широкая ладонь Сяо Шуланя нежно гладила его гладкую щеку. От этого прикосновения внутри что-то дрогнуло.

— Я виноват. Прости меня, Тинчжу.

Лю Тинчжу широко раскрыл глаза, глядя на него. В лунном свете они были особенно ясными — чистыми, как горный ручей, где виден каждый камушек и каждая травинка на дне.

Его голос звучал ровно, как гладь воды, в которой не было ни единой ряби.

— Одно лишь «я виноват» и «прости» — разве это может что-то исправить? Даже если я прощу, а как же Лотос Холодной Луны?

Он начал отступать шаг за шагом, но вода и водоросли путались в ногах, заставляя его пошатнуться.

Сяо Шулань протянул руку, желая схватить его, но замер на полпути.

Неизвестно откуда на поверхность озера и в бамбуковую рощу опустился бледный голубоватый

туман. Между ними легла пелена, словно разделяя их далекими горами, и лица Лю Тинчжу стало почти не разглядеть.

Лю Тинчжу вдруг рассмеялся — звук его смеха был тонким, как нить, зыбким и призрачным:

— Лотос Холодной Луны сопровождал меня две тысячи лет. Мои достижения в культивации — во многом его заслуга. Множество духовных сущностей в этих горах взрастились под его защитой. Ты угрожал мне Мечом Синего Дракона, заставляя сорвать этот цветок. Я ненавижу тебя до мозга костей — даже больше, чем за то, что ты разрушил мой путь культивации.

— Но ты ведь правда был так добр ко мне. Когда ты пообещал вернуть Лотос Холодной Луны в горы, я был счастлив. Я о многом мечтал. Я хотел показать тебе озеро на вершине горы. Вода в нем бледно-бледно-зеленая, цвета льда, и в любое время года по ней плавают крошечные хрустальные льдинки. Рядом растут старые деревья, их ветви склоняются к самой воде, словно любясь своим отражением.

— Я хотел по ночам вместе с тобой слушать, как ветер шелестит в бамбуке. Я всегда был один... слушал этот шорох... осенний дождь, барабнящий по листьям... В те ночи я не мог уснуть. Раньше я не понимал почему, но теперь знаю — от одиночества. Ты сам научил меня этому...

Лунный свет пробивался сквозь бамбуковую рощу, падая на него.

В ослепительно-белом сиянии фигура Лю Тинчжу становилась все прозрачнее, словно струйка голубого дыма, сливаясь с туманом над озером, все более расплывчатая и неясная.

— Иногда мне казалось, что тебе нравится, когда я превращаюсь в лису. Мне и самому нравилось, когда меня обнимали, когда меня берегли, когда баловали. Я до сих пор помню тот день, когда ты принес целую кучу каштанов и чистил их у огня. Тот огонь был таким ярким и теплым. Если тебе нравится, я могу быть каким угодно, мне все по душе... Ведь никто и никогда не был со мной так добр.

Сяо Шулань слушал его. Слова Лю Тинчжу звучали как замирающий звук циня — то прерываясь, то возобновляясь вновь.

— Лотос Холодной Луны погиб, и это не было твоим желанием, но... почему ты хотел удержать меня рядом такими методами? Заточить меня мечом, погубить тысячелетнюю культивацию — это то, что вы, люди, называете чувствами? То самое истинное чувство, которое ты во что бы то ни стало хотел, чтобы я понял — вот оно?!

— Твоя невеста ради собственных прихотей погубила бессмертный цветок. Ты хоть знаешь, что тому Лотосу Холодной Луны нужны были десятки тысяч лет, чтобы впитать энергию солнца и луны, прежде чем он смог расцвести? Разве я не был прав, убив ее? Ты твердишь, что любишь меня, но не только раз за разом ранишь, ты оставил меня в руках тех людей! В чем разница

между этим и тем, чтобы самому убить меня?

— А теперь у тебя все еще при себе этот Меч Синего Дракона! Ты по-прежнему считаешь меня чужаком, ты никогда не видел во мне человека, равного тебе!

Бледно-голубой туман сгущался, становясь все темнее, приобретая густой лазурный оттенок.

Фигура Лю Тинчжу, словно голубое облако, плыла в дымке и лунном свете. Его лицо и руки стали полупрозрачными.

Полупрозрачный, бледно-голубой нефрит.

В отчаянии Сяо Шулань протянул руку, пытаясь схватить его за ладонь, но ухватил лишь пустоту.

— Тинчжу!

На губах Лю Тинчжу заиграла легкая улыбка.

— Чем быть твоим пленником до конца дней, лучше уйти так.

Лунный свет внезапно вспыхнул ослепительно-белым, ярким, как солнце в полдень. Сяо Шулань был вынужден зажмуриться.

Когда он открыл глаза, лунный свет вновь стал нежным, подобно улыбке возлюбленной, а голубоватый дымок окутал всю бамбуковую рощу.

Полная луна, отраженная в воде, казалось, тоже окрасилась в бирюзовый цвет, заставляя усомниться — не небеса ли это, спустившиеся на землю?

Вокруг не осталось ни души.

Та самая слезинка, что замерла на кончике бамбукового листа, тихо упала вниз.

И разбилась.

<http://bllate.org/book/21147/2144250>